

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-214-223>

УДК 821.112.2(436).0

ББК 83.3(4Авс)52

Научная статья / Research Article



This is an open access article distributed under  
the Creative Commons Attribution 4.0  
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. Г. А. Лошакова  
г. Ульяновск, Россия

© 2022 г. Л. Е. Смирнова  
г. Ульяновск, Россия

## СЛАВЯНСКИЕ АЛЛЮЗИИ АВСТРИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX В.

**Аннотация:** Славянский нарратив австрийской литературы XIX в. был важной частью авторского мировосприятия и структуры текстов многих произведений. Это народные песни словенцев в обработке А. Грюна, аллюзии чешских и моравских преданий и легенд в творчестве А. Штифтера и М. Эбнер-Эшенбах. Австрийские писатели интуитивно отвергали дилемму «свой — чужой». Еще с детства художественный мир славянской культуры не был для них чужеродным, они активно были приобщены к нему. Это обстоятельство можно объяснить своеобразием эволюции Австрийской империи, сложившейся в процессе долгого исторического развития. В силу этого австрийская литература была открыта не только генетическому, языковому проникновению, но и восприятию других культурных пластов, связанных в частности со славянской мифологией. Словенскую семантику вводит в тексты А. Грюн (колядка как пожелание добра, голубка как символ любви, король Марко как народный защитник). Имплицитно обращается к чешским легендам А. Штифтер (Витико — справедливый правитель, Нива как выражение духа леса и мира). М. Эбнер-Эшенбах через структуру народной сказки повествует о нравах и проблемах моравской деревни.

**Ключевые слова:** нарратив, словенская народная поэзия, чешская легенда, славянская мифология.

### **Информация об авторах:**

Галина Александровна Лошакова — доктор филологических наук, Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова, площадь Ленина, д. 4/5, 432071 г. Ульяновск, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9429-5505>

E-mail: [lgalin7@mail.ru](mailto:lgalin7@mail.ru)

Людмила Евгеньевна Смирнова — кандидат педагогических наук, Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова, площадь Ленина, д. 4/5, 432071 г. Ульяновск, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7822-7940>

E-mail: [piramida\\_ul@mail.ru](mailto:piramida_ul@mail.ru)

**Дата поступления статьи:** 30.06.2021

**Дата одобрения рецензентами:** 15.08.2021

*Дата публикации:* 28.12.2022

*Для цитирования:* Лошакова Г. А., Смирнова Л. Е. Славянские аллюзии австрийской литературы XIX в. // Вестник славянских культур. 2022. Т. 66. С. 214–223. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-214-223>

Известно, что неотъемлемым элементом литературы Австрии был славянский нарратив, т. е. мотивы, аллюзии и реминисценции, ведущие читателя в художественный мир чешских, словенских, моравских легенд и преданий. Особенно это характерно для литературы XIX в., когда в Австрийскую империю входило множество земель и фактически стран, обладающих относительной экономической и культурной самостоятельностью. Историк А. А. Ждановская отмечает, что отношения между немецким населением и различными другими национальностями и народностями были не всегда равными, однако до конца XIX в. сохранялась определенная стабильность, позволяющая поддерживать равновесие в империи Габсбургов [3, с. 68].

В текстах многих немецкоязычных авторов, уроженцев Австрии, можно найти как прямое цитирование той или иной славянской легенды или предания: Ф. Грильпарцер «Либуша» (F. Grillparzer. “Libussa”, 1873), так и ассоциативный ряд мотивов и аллюзий, ведущих, как правило, к чешскому — А. Штифтер «Лес высокоствольный» (A. Stifter. “Der Hochwald”, 1842), «Витико» (“Witiko”), 1867) — или моравскому подтексту — Ф. фон Заар «Герман и Доротея» (“Hermann und Dorothea”, 1902). Поэтом, который непосредственно обращался к мотивам славянского фольклора, был и Антон Александер фон Ауэрсберг (Anton Alexander Graf von Auersperg; 1806–1876), известный в России под псевдонимом Анастасиус Грюн (Anastasius Grün). Сборники его стихотворений (“Blätter der Liebe”, 1830, “Spaziergänge eines wiener Poeten”, 1831) пользовались популярностью у австрийских читателей. К его излюбленным жанрам принадлежала и баллада: «Священник Каленберг (“Pfaff von Kahlenberg”, 1850), «Робин Гуд» (“Robin Hood”, 1864). А. Грюн<sup>1</sup> был членом Рейхсрата и отстаивал либеральные взгляды, в частности, борясь против конкордата церкви и государства.

Уже в силу своего происхождения (его отец владел поместьями в Нижней Карниоле в Словении) Грюн питал интерес к словенской народной поэзии. Он знал словенский язык, его наставником был известный словенский поэт Франс Прешерен. Первые переведенные им народные песни появились в различных стихотворных сборниках между 1837 и 1845 гг. В 1850 г. выходит отдельная книга под названием “Volkslieder aus Krain” («Народные песни Крайны»). Он, таким образом, впервые знакомит немецкоязычного читателя со словенской народной поэзией. По сей день переводы А. Грюна считаются образцовыми в передаче настроения, ритма, фольклорных образов.

Темы песен традиционны. Это народные праздники: «Новогодняя песня» (“Neujarslied”), «Праздник смородины» (“Ein Johannisfest”); красота девушки: «Мара» (“Mara”), «Минка» (“Minka”); анималистические образы. У Грюна, как правило, присутствуют прежде всего орнитологические: «Король Черный Дрозд» (“König Amsel”), «Голубка» (“Täubchen”), «Неясыть и Сова» (“Käuzchen und Eule”). Тема народного героизма связана в песнях из Крайны с турецким нашествием и освобождением от него: «Три брата» (“Drei Brüder”), «Король Марко» (“König Marko”), «Сестра Грегора Аленка» (“Gregors Schwester Alenka”).

«Новогодняя песня» в жанровом отношении представляет собой типичную колядку (слов. Koledinka), когда по дворам перед Рождеством ходят дети. Они славят

<sup>1</sup> В дальнейшем в статье — А. Грюн.

хозяев и желают им благополучия. В песне рассказывается о чудесной повозке с колыбелью, в которой лежит младенец, с чашей в руке. В чаше роза, на розе — птица, и она весело поет о том, чтобы «колыхалась нива и чтобы созревали пшеничные колоски». Пожелания связаны с образом младенца Христа, что способствует созданию радостной атмосферы светлой надежды на следующий год в хозяйстве крестьянина.

Und das Vöglein lustig singe  
Und sich ins Getreide schwinge,  
Daß das Weizenkörnlein springe [7]<sup>2</sup>.

В стихотворении «Голубка» (“Täubchen”) автор обращается к любовно-брачной символике, связанной с голубем или голубкой [2, с. 516]. Здесь можно перевести так же как голубушка. Среди всех она, кажется, ничем не выделяется, те же самые «румяные щечки» (“...haben rote Wängelein”, «красные клювики» “...haben rote Schnäbelein”). Вопросы, задаваемые предполагаемым собеседником, и ответы на них лирического героя показывают, что он был в лесу ночью, что любит он только прекрасных голубок, поймал он одну из них и остался с ней ночью, и останется дальше с ней же. Ночь вносит дополнительный семантический элемент в стихотворение, это и поиски любви, и прекрасное таинство, и обретение счастья. Повторение словосочетания создает ритм, присущий шуточной народной песне, частушке.

Haben rote Wängelein,  
Schöne rote Schnäbelein,  
Bei der Nacht.  
Nur die Täubchen liebt' ich fein,  
Doch ein einzig's fing ich ein,  
Bei der Nacht [8].

Анастасиус Грюн обрабатывает, как уже было указано выше, и множество песен, в которых отразилось турецкое нашествие. Они посвящены героям, мужественно боровшимся за свободу родины. Среди них Аленка, сестра Грегора. Сюжет содержит в самом начале разговор героини и молодого воина-турка, которого она выпрашивает о своем брате. Подробно она рисует его приметы, заостря внимание на одежде и украшениях. Ведь семантическими маркерами героя всегда являются не только его красота, но и бытовые предметы и детали одежды.

Ein langes Oberkleid ihn hüllt,  
So lang, daß bis zur Fers' es quillt,  
Mit Blumen ist es ausgestickt,  
Mit Seidenschnüren ist's geschmückt,  
Ein rotes Käppchen ihn bedeckt,  
Drei Federn sind darein gesteckt,  
Drei Kranichsfedern mögen's sein.  
Er führt ein blankes Säbelein,  
So blank als wie der Sonnenschein  
Und wie Schermesser scharf und fein;

<sup>2</sup> Пусть птичка весело поет и колышется нива, чтобы созревали пшеничные колоски. Здесь и далее перевод наш. — Г. Л., Л. С.

Inmitten eine Schlange liegt,  
Und Feuer aus der Spitze fliegt,  
In Schlangenblut ist es gestählt,  
Die Türken hat sich's auserwählt [9]<sup>3</sup>.

Аленка переодевается в одежду, подобно той, которую носил Грегор. Происходит превращение, что свойственно народному фольклору, структуре народных песен. Снова повторяются приведенные выше строки. Девушка начинает мстить в стане воинов, турецкий король полагает, что это Грегор, о котором ему сообщали, что он погиб. И тогда снова происходит своего рода преображение. Мужское начало отступает, женское проявляется. Аленка показывает свои черные косы и белоснежную грудь.

Sie zeigt schön schwarze Zöpfchen zwei,  
Sie zeigt schön weiße Brüstlein zwei:

Ее победа заключается в том, что она бросает в лицо королю следующие слова:

Hat solche deine Kaiserin?  
Hat solche deine Kaiserin? [9]<sup>4</sup>.

Два повторяющихся вопроса подчеркивают значимость «превращения». Аленка побеждает не только своей мужественностью, но и утверждает свое женское начало.

Аналогичные мотивы можно обнаружить в стихотворении «Король Марко» (“König Marko”). Следует отметить, что он является общенациональным героем всех славянских народов, бесстрашным и неустрашимым персонажем, о котором слагали песни, начиная с 1371 г., даты его гибели в бою против турецкого султана Мурада I. В стихотворении «Король Марко» он не только смелый воин, но и хитроумный стратег, умеющий держать в узде врагов. В тексте снова упомянуто имя Аленка, которая является, видимо, женой Марко, вместе с тем подчеркнута ее турецкое происхождение: “ein schönes Türkenmägdelein”. При приближении турецкого войска король Марко просит Аленку сказать воинам, что его нет дома и он будет отсутствовать долго.

Es ist Jung Marko nicht zu Haus  
Und kommt auch abends nicht nach Haus  
Und bleibt wohl auch noch morgen aus [10]<sup>5</sup>.

Трижды следует данный повтор в структуре текста.

Хитрость Марко удаётся, его наточенная «сабелька» уничтожает всех турок. Одного же он жестоко ранит, сажает на коня и со своим собственным знаменем отправляет к турецкому королю. В песне автор воспроизводит атмосферу жестокости героического эпоса. Подробно останавливается он на характере ранений вражеского воина.

<sup>3</sup> Длинный плащ покрывает его, длиною до самых пят, он вышит цветами, украшен шелковыми нитями, он носит красную шапочку, три пера вставлены в нее, они могут журавлиными. Он носит блестящую сабельку, искрящуюся, как солнечный луч и, как гильотинный нож, острую и красивую; посредине покоится змея, а из острия вылетает огонь, она закалена кровью змеи, она предназначена туркам.

<sup>4</sup> Она показывает две черных косы, она показывает белоснежные груди: У твоей королевы есть такие? У твоей королевы есть такие?

<sup>5</sup> Юного Марко нет дома, и вечером он не придет домой, и возможно, завтра его тоже не будет.

Zog unterm Tisch ihn vor hernach,  
 Und seine Rippen ihm zerbrach,  
 Und seine Augen ihm ausstach [10]<sup>6</sup>.

Раненый турок приезжает на коне ко двору своего короля и передает ему просьбу Марко, чтобы тот прибыл к нему сам, и тогда они смогут по-настоящему померяться силами.

Особое место в рецепции славянских тем и мотивов занимала Богемия. Как указывает А. А. Ждановская, существовала возможность создания единой политической «богемской» нации, в состав которой входили две ветви, немецкая и славянская, хотя со временем и происходила трансформация в две различных нации, чешскую и немецкую [3, с. 72]. В то же время повседневное сосуществование немцев с чехами было сравнительно спокойным вплоть до самого конца XIX в. [3, с. 72].

Одним из австрийских писателей, обращавшихся к художественному миру Богемии, был классик австрийской литературы Адальберт Штифтер (Adalbert Stifter, 1805–1868). В своем эпосе «Витико» он воспроизводит легенду о династии Витек или Витигонов, основателей города Чески Крумлов (нем. Krumau, чешск. Český Krumlov) и оставивших после себя символ Пятилепестковой розы. В 1173 г. Витико присутствовал якобы как посланник Южной Богемии на рейхстаге Фридриха Барабароссы. В произведении Штифтера он выступает как национальный австрийский герой, носящий славянское имя, способствующий миру и процветанию Праги и всей Богемии [4]. Следует отметить, что в романе как географические названия, так и имена отражают тот самый славянский «субстрат», который отмечал А. В. Михайлов, давая характеристику основным тенденциям развития австрийской литературы [5].

В произведениях Штифтера встречаются и фамилии, во многом значимые для истории города. Это Розенберги (Рожемберги), потомки Витико, и Шварценберги, много сделавшие для процветания Чески Крумлова. В «Записках из Баварского леса» Штифтер упоминает некоего Франца Ксавера Розенберга, в доме которого он неоднократно останавливался на отдых, подчеркивая при этом, что фамилия Розенберг была «хорошо известна». В этой же зарисовке автор вспоминает, что во время снежного шторма он останавливался в селении Шварценберг [12, S. 571]. Таким образом, автором создается культурно-географическое пространство, в котором соединяются реалии и топосы как австрийской, так и чешской действительности.

В рассказе «Лес высокоствольный» («Der Hochwald», 1842) одна из героинь, Иоганна, предстает неожиданно как образ легендарной княгини, матери Либуши, основательницы Праги. Сюжет повествования строится на рассказе, взятом из времен Тридцатилетней войны. Семья владельца замка Виттингсхаузен прячется в лесу, чтобы спастись от врагов. Иоганна и ее сестра, сидящие на конях, напоминают старому Грегору, сопровождающему их, некие сказочные или мифические существа. Иоганна, «словно эльф, подобно матери Либуши, сидела в белоснежном платье на белоснежной лошадке, которая несла свою ношу, как легкую пушинку между деревьями, словно лань, едва касаясь травы, то вскачь, то играя...» [11, S. 203]. В тексте Штифтера речь идет о Ниве, нимфе, которая передала свой пророческий дар дочерям. Таким образом в повествование вводится аллюзия из чешской легенды об основательнице Праги, Либуше, воспитанной своей матерью Нивой врачевательницей и пророчицей. Интертекстуально повествование соприкасается и с пьесой Ф. Грильпарцера «Либуша», который также

<sup>6</sup> Затянул его под стол, и разрубил ему ребра, и выколол ему глаза.

разрабатывал сюжет об основании Праги, осмысляя при этом путь развития цивилизации, мирный или немирный его исход.

Штифтер, как и многие австрийские авторы XIX в., был также приверженцем идеи мирного развития и существования народов, объединенных одной государственной системой (в данном случае Австрийской империей). Он не случайно вводит в повествование легенду о горе трех тронов, стоящую на границе Богемии, Австрии и Баварии ('Dreissesselberg'). Следует высказать предположение, что легенда, видимо, в той или иной интерпретации существует и на чешском языке. Согласно ей на вершине горы на своих тронах сидели три короля: Богемии, Баварии и Австрии. Они же определили границы своих владений. Они жили и управляли мирно. Но однажды на берег озера пришли три человека и выловили несколько форелей (семантика огня, красные пятна возле рта рыб, пылающие искры на чешуе рыб). Возшла луна, и при ее свете люди попытались приготовить кушанье из форелей в своих котелках. Но вода становилась все горячее и горячее, начала кипеть, гул пронесся по деревьям, они словно бы падали, поднялся ветер. И все это случилось при ясном небе и тихой погоде. Из воды озера послышались голоса «Они не все дома, не все дома...». Испугавшись, люди выбросили форелей снова в воду. Так и просидели они в лесу целую ночь. На утро они все рассказали королям, и те моментально снялись с места, прокляли лес, так что и по сей день он стоит безжизненным [11, S. 232]. Равновесие природы может быть в одно мгновение разрушено, если человек будет враждебен к ней. Эта мысль Штифтера имплицитно выражает также призыв к миру, потому что из-за враждебности людей сразу три короля покидают свои земли. Троны опустели, лес сохнет и готов к гибели. В рассказе содержится семантика некоего предупреждения и предощущения катастрофы, не случайно нарратив вставлен в структуру повествования о Тридцатилетней войне.

Чешский и моравский хронотоп и соответствующие мотивы присущи и произведениям Марии Эбнер-Эшенбах (Marie Freifrau Ebner von Eschenbach, 1830–1916). Это австрийская писательница, популярность которой в конце XIX в. принесли психологические повести. Успех ее рассказов "Erzählungen" (1875) раскрыл настоящее писательское дарование, которое с еще большей силой проявилось в «Деревенских и поместных историях» ("Dorf- und Schlossgeschichten", 1883). К более объемным ее произведениям относятся повести «Приходское дитя» ("Das Gemeindegeld", 1888) и «Непогрешимый» ("Unsühnbar", 1890). Следует отметить тот факт, что с 1853 г. Эбнер-Эшенбах жила попеременно то в Вене, то, после замужества, — в Южной Моравии рядом с городом Цнайм в замке Клостербрук (чешск. Лука, Louka). Чешским же языком она владела с детства. Одной из важных тем в ее творчестве была тема моравского крестьянства. Действие ряда произведений писательницы разворачивается в селениях или маленьких городках Моравии («Крамбамбули», «Запрет», «Божена»). Живя то в поместье в Моравии, то в австрийской столице, Мария имела возможность изучить сразу два общественных слоя, изображаемых в ее произведениях: моравское крестьянство и австрийскую аристократию.

Рассказ «Запрет» М. Эбнер-Эшенбах строится на трансформации славянских легенд и преданий. Хронотоп сюжетного действия связан с бедной деревенькой «у пологого склона горной цепи Марс в Моравии» и богадельни, находящейся в ней. Эбнер-Эшенбах важно подчеркнуть общественно-социальный элемент разыгравшегося трагического действия. Как известно, писательница представляет реалистическую линию австрийской литературы. Обитатели богадельни представлены как асоциальные типажы, участь которых предопределена с момента их рождения. Старый дед, которого

«слабость к непутевым детям ввергла <...> в нищету», бывший пастух, «ходячий хмель», Францка, которую «заставить работать... не было никакой возможности», ее больной сын Францко, обреченный воровать. Выделялась здесь сирота Миленка, смышленная бойкая девочка, «сатана в юбке» [6, с. 530].

В рамках деревенского хронотопа маркирован лес, «кормилец и место отдыха». «Лес <...> давал дрова, иногда дичь на жаркое, солому и корм для скота. Он был местом свидания для влюбленных, раздольем для любителей запретной охоты» [6, с. 531]. С лесом связаны были также и угрозы людям. Так новый лесничий запретил без разрешения входить в лес и разбивал крынки и кувшины собирателей земляники, если встречал их. Завязкой действия становится предложение Миленки к Францко пойти в лес за земляникой. После ряда авантур девочка крадет горшки у «ведьмы», старой беззубой старухи Викакулки. Здесь следует отметить, что вводится семантика славянской ведьмы. Она «чаще всего стара и безобразна, <...> иногда имеет телесные недостатки <...>. Ее можно опознать по поведению и характеру — одиноко живущая женщина, неприветливая, злобная <...> и т. п.» [1, с. 297]. Эту характеристику можно полностью отнести к старой Викакулке. О ней говорили, что она умеет «заклинать дьявола». «Многие видели, как она сидела на коньке своей крыши и что-то шептала. <...> ужас охватывал каждого, кто слышал это таинственное бормотанье» [6, с. 533]. Кроме того, одним из сюжетных элементов является то, что старая Викакулка прогоняет вначале Миленку, бросая в нее веник (ассоциация с метлой колдуньи). Как утверждают исследователи, изучающие славянский фольклор, «обнаружив следующего за ней человека, ведьма отправляет его обратно» [1, с. 301].

Однако типично «ведьминские черты» можно обнаружить и у самой Миленки, несмотря на ее обаяние и ум. Так, в одной из славянских традиций (лужицкой) распространен мотив о человеке, подсмотревшем за ведьмой и повторявшем ее колдовские действия. Один из эпизодов повествования связан как раз с тем, что Миленка следит за старухой. Следует отметить, что веник, брошенный старухой, застревает в волосах девочки и надолго там остается [6, с. 534]. В ходе повествования «ведьминская суть» проявляется в поступках девочки, отнявшей у Францко ягоду и оставившей его одного в лесу.

Горшок мальчика, брошенного Миленкой, разбивает лесничий. Кульминационный момент, когда мальчик подбирает черепки, предопределяет в дальнейшем атмосферу страха и ужаса. Францко видит повсюду глаза ведьмы, черная птица вспархивает навстречу ему. Он пытается спастись на дубе с изображением богородицы, но срывается с него и погибает. В его сознании снова на какой-то момент появляется ведьма. «Вот она нагоняет его, он уже видит рядом с собой ее вытянутую шею... О! Ее костлявая рука хватается за него, смертельный холод пробегает по его спине. Он чувствует, как его когти вонзаются в него, а вот и голова змеи у него под ногами, вон ее острый, как палочка, язык» [6, с. 538]. Борьба темного и светлого начал (не случайны последние слова мальчика «Святая дева Мария, ты — хорошая, ты добрая») заканчивается смертью героя. Черты ангела проступают в его облике. «От призрачного, бледного личика ее маленького друга словно исходило сияние» [6, с. 539], а выступившая кровь напоминала о ягоде, к которой были устремлены желания детей.

Эбнер-Эшенбах воспроизводит неоднократно повторяющийся сказочный сюжет о детях, потерявшихся в лесу, художественно воплощая его в стиле бидермейера (сентиментальный дискурс сироты, оставленного всеми и благословенного богом), при этом критически осмысляя его в рамках реалистического направления. Закономерен

негативно звучащий заголовок — «запрет». Необходимо учитывать также то обстоятельство, что хронотоп, имена героев, название леса и упоминание Моравии создают ту особую атмосферу, в которой ярко проявляется славянский компонент повествования Эбнер-Эшенбах.

Неотъемлемой частью текстов австрийской литературы в XIX в. становится славянский нарратив, выражающийся в рецепции тем и мотивов народной поэзии. А. Грюн создает свои стихи, основанные на переработке словенских фольклорных песен. А. Штифтер, опираясь на чешские легенды, включает в структуру своих текстов аллюзии, ведущие к славянскому художественному миру. Помимо этого, он создает эпическую идиллию государственного устройства, позволяющего мирно сосуществовать как немцам, так и чехам («Витико»). М. Эбнер-Эшенбах опирается в своем повествовании на аллюзии моравского и чешского фольклора («Запрет»). Славянская тема, вне зависимости от того, как она переосмыслена, остается важным компонентом повествовательной структуры художественных текстов австрийской литературы XIX в.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Виноградова Л. Н., Толстая С. М.* Ведьма // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Р. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1: А–Г. С. 297–301.
- 2 *Гура А. В.* Голубь // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Р. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1: А–Г. С. 516–517.
- 3 *Ждановская А. А.* Современная зарубежная историография о чешско-немецком соседстве в конце XIX – начале XX в. // Историческая экспертиза. 2015. № 3 (4). С. 68–82.
- 4 *Лошакова Г. А.* Некоторые аспекты интерпретации романа А. Штифтера «Витико» // Вестник Нижегородского университета им. И. Н. Лобачевского. 2010. № 3–1. С. 340–346.
- 5 *Михайлов А. В.* Избранное: Феноменология австрийской культуры. Статьи и рецензии. URL: [http://www.xliby.ru/kulturologija/izbrannoe\\_fenomenologija\\_avstriiskoi\\_kultury/p1.php#metkadoc2](http://www.xliby.ru/kulturologija/izbrannoe_fenomenologija_avstriiskoi_kultury/p1.php#metkadoc2) (дата обращения: 21.06.2021).
- 6 *Эбнер-Эшенбах М.* Запрет // *Эбнер-Эшенбах М.* Австрийская новелла XIX века / пер. с нем. М.: Худож. лит., 1959. С. 528–539.
- 7 *Grün A.* Neujahrslied // *Grün A.* Volkslieder aus Krain. Sämtliche Werke. Bd. VIII / Hrsg. von A. Schlossar. Leipzig, 1908. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/gruen/krain/krain01.html> (дата обращения: 22.06.2021).
- 8 *Grün A.* Täubchen // *Grün A.* Volkslieder aus Krain. Sämtliche Werke. Bd. VIII / Hrsg. von A. Schlossar. Leipzig, 1908. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/gruen/krain/krain09.html> (дата обращения: 22.06.21).
- 9 *Grün A.* Gregors Schwester Alenka // *Grün A.* Volkslieder aus Krain. Sämtliche Werke. Bd. VIII / Hrsg. von A. Schlossar. Leipzig, 1908. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/gruen/krain/krain40.html> (дата обращения: 24.02.2021).
- 10 *Grün A.* König Marko // *Grün A.* Volkslieder aus Krain. Sämtliche Werke. Bd. VIII / Hrsg. von A. Schlossar. Leipzig, 1908. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/gruen/krain/krain42.html> (дата обращения: 24.02.2021).
- 11 *Stifter A.* Der Hochwald // *Stifter A.* Studien. München: Winkler, 1979. S. 181–276.
- 12 *Stifter A.* Aus dem Bayerischen Walde // *Stifter A.* Die Mappe meines Urgrossvaters. Schilderungen. Briefe. München: Winkler, 1986. S. 567–596.



\*\*\*

© 2022. Galina A. Loshakova  
Ulyanovsk, Russia

© 2022. Lyudmila E. Smirnova  
Ulyanovsk, Russia

## SLAVIC ALLUSIONS OF THE AUSTRIAN LITERATURE OF THE 19<sup>th</sup> CENTURY

**Abstract:** Slavic narrative of the Austrian literature of the 19<sup>th</sup> century was an important part of the author's worldview and the structure of the texts of many works. These are folk songs of Slovenes arranged by A. Gruen, allusions of Czech and Moravian legends and tales in the works of A. Stifter and M. Ebner-Eschenbach. Austrian writers intuitively rejected the “friend — foe” dilemma. Since childhood, the artistic world of Slavic culture was not alien to them, since they were actively attached to it. This circumstance can be explained by the peculiarity of the evolution of the Austrian Empire, which developed in the course of a long historical development. Because of this, Austrian literature was open not only to genetic and linguistic penetration, but also to the perception of other cultural layers, in particular, those associated with Slavic mythology. Slovenian semantics is introduced into the texts by A. Gruen (a Christmas carol as a wish for good, a dove as a symbol of love, King Marko as a public defender). A. Stifter implicitly refers to the Czech legends (Vitiko is a just ruler, the Field as an expression of the spirit of the forest and the world). Ebner-Eschenbach tells about the morals and problems of the Moravian village through the structure of a folk tale.

**Keywords:** Narrative, Slovenian Folk Poetry, Czech Legend, Slavic Mythology.

### **Information about the authors:**

Galina A. Loshakova — DSc in Philology, Ulyanovsk State Pedagogical University, Lenin Sq., 4/5, 432071 Ulyanovsk, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9429-5505>

E-mail: [lgalin7@mail.ru](mailto:lgalin7@mail.ru)

Lyudmila E. Smirnova — PhD in Pedagogy, Ulyanovsk State Pedagogical University, Lenin Sq., 4/5, 432071 Ulyanovsk, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7822-7940>

E-mail: [piramida\\_ul@mail.ru](mailto:piramida_ul@mail.ru)

**Received:** June 30, 2021

**Approved after reviewing:** August 15, 2021

**Date of publication:** December 28, 2022

**For citation:** Loshakova G. A., Smirnova L. E. Slavic Allusions of the Austrian Literature of the 19<sup>th</sup> Century. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 66, pp. 214–223. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-214-223>

## REFERENCES

- 1 Vinogradova L. N., Tolstaia S. M. Ved'ma [The Witch]. In: *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheski slovar'* [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary], ed. by R. I. Tolstogo. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1995, vol. 1: A–G, pp. 297–301. (In Russian)

- 2 Gura A. V. Golub' [The Dove]. In: *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskie slovar'* [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary], ed. by R. I. Tolstogo. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1995, vol. 1: A–G, pp. 516–517. (In Russian)
- 3 Zhdanovskaia A. A. Sovremennaiia zarubezhnaia istoriografiia o cheshsko-nemetskom sosedstve v kontse 19 – nachale 20 v. [Modern Foreign Historiography about the Czech-German Neighborhood in the Late 19<sup>th</sup> – early 20<sup>th</sup> Century]. *Istoricheskaia ekspertiza*, 2015, no 3 (4), pp. 68–82. (In Russian)
- 4 Loshakova G. A. Nekotorye aspekty interpretatsii romana A. Shtiftera “Vitiko” [Some Aspects of the Interpretation of A. Stifter's Novel “Vitiko”]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. I. N. Lobachevskogo*, 2010, no 3–1, pp. 340–346. (In Russian)
- 5 Mikhailov A. V. *Izbrannoe: Fenomenologiya avstriiskoi kul'tury. Stat'i i retsenzii* [Favorites: The phenomenology of Austrian culture. Articles and reviews]. Available at: [http://www.xliby.ru/kulturologija/izbrannoe\\_fenomenologija\\_avstriiskoi\\_kul'tury/p1.php#metkadoc2](http://www.xliby.ru/kulturologija/izbrannoe_fenomenologija_avstriiskoi_kul'tury/p1.php#metkadoc2) (Accessed 21 June 2021). (In Russian)
- 6 Ebner-Eshenbakh M. Zapret [Prohibition]. In: Ebner-Eshenbakh M. *Avstriiskaia novella 19 veka* [The Austrian Novella of the 19<sup>th</sup> Century], trans. from Germany. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1959, pp. 528–539. (In Russian)
- 7 Grün A. Neujahrslied [New Year's Song]. In: Grün A. *Volkslieder aus Krain. Sämtliche Werke. Bd. 8*, ed. by von A. Schlossar. Leipzig, 1908. Available at: <https://www.projekt-gutenberg.org/gruen/krain/krain01.html> (Accessed 22 June 2021). (In Germany)
- 8 Grün A. Täubchen [Dove]. In: Grün A. *Volkslieder aus Krain. Sämtliche Werke. Bd. 8*. Available at: <https://www.projekt-gutenberg.org/gruen/krain/krain09.html> (Accessed 22 June 2021). (In Germany)
- 9 Grün A. Gregors Schwester Alenka [Gregory's Sister Alenka]. In: Grün A. *Volkslieder aus Krain. Sämtliche Werke. Bd. 8*. Available at: <https://www.projekt-gutenberg.org/gruen/krain/krain40.html> (Accessed 24 February 2021). (In Germany)
- 10 Grün A. König Marko [King Marko]. In: Grün A. *Volkslieder aus Krain. Sämtliche Werke. Bd. 8*. Available at: <https://www.projekt-gutenberg.org/gruen/krain/krain42.html> (Accessed 24 February 2021). (In Germany)
- 11 Stifter A. Der Hochwald. In: Stifter A. *Studien*. München, Winkler, 1979. S. 181–276. (In Germany)
- 12 Stifter A. Aus dem Bayerischen Walde. In: Stifter A. *Die Mappe meines Urgrossvaters. Schilderungen. Briefe*. München, Winkler, 1986. S. 567–596. (In Germany)